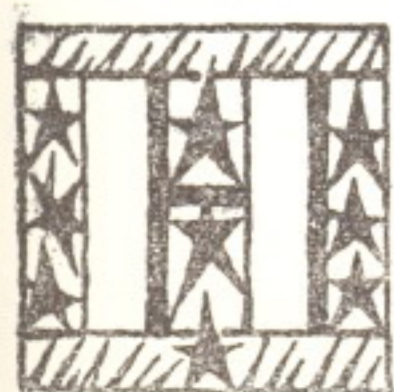

БУДЕННОВАЦЫ

МАРШ

БУДЕННОВОГО

ачало 1920 года ознаменовалось большой победой Красной Армии — Первая Конная с боями освободила от белогвардейцев Ростов-на-Дону. Жили тогда в Ростове и работали в театрике «Кривой Джимми» двадцатилетний музыкант

Дмитрий Покрасс и тогда уже довольно известный поэт, автор прекратившего свое существование журнала «Сатирикон» Д'Актиль.

Юный и восторженный Покрасс встречал конников в буденовках на проспектах Ростова. Он прибежал к Д'Актилю с предложением:

— Давай напишем марш буденовцев!

Д'Актиль был занят приготовлением обеда для жены, выздоравливающей после тифа. Предложение молодого пианиста застало его врасплох. Но ироничный и неунывающий «сатириконец», он первым делом сочинил на самого себя эпиграмму:

Стою, стою у примуса,
Готовлю фарш,
Четырнадцатой дивизии
Слагаю марш.

Стихи были, что называется, домашние, но ритм будущей песни уже проступал сквозь эти шутливые строки.

Песня была сочинена. В театр «Кривой Джимми» как раз в те дни заглянул секретарь Реввоенсовета Первой Конной Сергей Орловский — он хотел разобраться, чем может быть полезен «Кривой Джимми» для Красной Армии.

Покрасс сыграл Орловскому песню. Вскоре секретарь Реввоенсовета вновь явился в театр. Забрав с собой двух авторов, он повел их на Таганрогский проспект (ныне Буденновский), в гостиницу «Палас». Там уже их ждали Ворошилов, Буденный, Пархоменко, Морозов, Щаденко. Они стояли в пустом зале, где не осталось ни столов, ни стульев, только пианино.

У Д'Актиля и Покрасса были в запасе уже две песни, и они начали с песни «Мы дети воли и труда»:

Итак, вперед веди, Буденный,
Под звуки величавых слов:
Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.

Климент Ефремович Ворошилов сказал:

— Песня ничего, но она больше подходит для пехоты.

Тогда Покрасс сыграл и спел «Марш красной кавалерии». Слушатели, повторяя слова, заметили, что в первой строчке неправильное ударение, лучше уж петь не «кавалерия», а «кавалеристы», но в целом песню одобрили:

— Вот эта под коня подойдет!

И спели ее несколько раз.

Воодушевленный успехом, Дмитрий Покрасс обратился к командирам:

— Я здесь один, никого у меня нет. Возьмите меня в свою армию!

Просьба музыканта была удовлетворена, и ему был выдан уникальный документ, в котором он был назван «бойцом-

композитором», а также обмотки, шинель, ботинки, буденовка.

Но посвящению автора песни в воины предшествовала еще одна процедура. Кто-то из командиров сказал, что поэт и композитор, наверное, голодные и надо им выдать денег — по несколько миллионов рублей (деньги были обесценены, так что миллионы были довольно скудным гонораром). А уж если давать деньги, то нужно, чтобы настоящие знатоки проверили и дали заключение, насколько хороша песня с точки зрения музыкальной. Кстати, в Ростове ведь есть консерватория.

Несколько конников вместе с авторами были посланы в консерваторию. Ее директор Михаил Фабианович Гнесин и другие профессора прослушали песню в темпераментном исполнении Покрасса.

— Это для нас не музыка, — вынесли они заключение.

Но авторы и конники настаивали:

— Песню поют, так что распишитесь.

Профессора нехотя поставили свои подписи на документе о выдаче сочинителям песни денежного вознаграждения в сумме стольких-то миллионов.

(Встречаясь в последующие годы с Дмитрием Покрассом, замечательный музыкант и интереснейший человек Михаил Фабианович Гнесин весело вспоминал январь 1920 года и с улыбкой говорил: «А ведь мы тогда ошиблись в оценке песни, но уж обстоятельства и весь разговор о ней были экстраординарные!»)

Дмитрий Покрасс направился с Первой Конной в боевой путь. Он исполнял песню на митингах, на собраниях, на привалах, концертах. Специально для композитора в обозе на телеге возили пианино. Конечно, он сочинил еще немало песен. Автором некоторых песен был Демьян Бедный, приезжавший на польский фронт. А все же «Мы — красная кавалерия» осталась самой знаменитой песней Первой Конной.

За свою музыкальную деятельность композитор был награжден кожаной курткой — это по тем временам серьезная боевая награда.

Но ни музыка, ни слова песни тогда не были нигде напечатаны, песня жила в эскадронах, подвергаясь изменениям и переработке.

В 1922 году «Марш Буденного» был записан композитором Шульгиным как народная песня и издан впервые. Д'Актиль говорил, что своего текста в точности не помнит, но видит, что он сильно изменен. По скромности поэт называл себя «не столько автором, сколько родоначальником этой песни».

И действительно, если разобраться в тексте песни, увидишь, что там говорится об СССР, а СССР образован в декабре 1922 года; говорится о Крыме и Варшаве, то есть о событиях весны и лета 1920 года, а песня была создана первоначально в январе.

Вспоминая те далекие годы, Дмитрий Яковлевич Покрасс говорил мне, что вряд ли штатский человек, недавний сотрудник «Сатирикона» и автор куплетов в театре «Кривой Джимми» Анатолий Д'Актиль мог написать о Буденном: «наш братишка». Не решился бы и двадцатилетний музыкант в присутствии начальников армии, только что вошедшей в Ростов, спеть о них звучащие теперь в песне строки. Покрасс полагает, что вторая строфа песни написана не Д'Актилем, а славным комиссаром одной из дивизий П. Бахтуровым, сочинявшим стихи и песни. Ему принадлежат слова известной песни:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор.

Конечно же, Бахтуров мог назвать Буденного братишкой. Слово это кажется заимствованным из лексикона революционных матросов, которых немало было в Первой Конной.

О том, что песня переделывалась не раз народом (не только слова, но и музыка), можно судить и по разнообразию ритма: в каждой строфе иной ритмический рисунок.

Хорошо начался творческий путь Дмитрия Покрасса, в последующие годы создавшего немало замечательных песен, которые цел и помнит весь народ.